

005019318

1
На правах рукописи

Сафрон Елена Александровна

**«СЛАВЯНСКАЯ» ФЭНТЕЗИ:
ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ**

10.01.01. – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

26 АПР 2012

Петрозаводск – 2012

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО
«Петрозаводский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Неёлов Евгений Михайлович

Официальные оппоненты: Черняк Мария Александровна,
доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена»

Минеева Инна Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы ФГБОУ ВПО «Карельская государственная педагогическая академия»

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

Защита состоится 22 мая 2012 г. на заседании диссертационного совета ДМ 212.190.04 при ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет» (185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33, ауд. 307).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет» (185910, Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33)

Автореферат разослан

13 апреля 2012 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Нилова Анна Юрьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В конце XX в. фэнтези занимает в российской литературе всё более и более устойчивые позиции, что может объясняться как социокультурными тенденциями, так и специфическими литературными особенностями данного жанра.

Актуальность исследования обусловлена потребностью охарактеризовать новую для отечественной литературы жанровую разновидность. В результате анализа отдельных произведений «славянской» фэнтези, отличающихся как по стилю, так и по внутренней жанровой принадлежности, выявляется фольклорно-мифологическая семантическая общность, благодаря которой можно увидеть «славянскую» фэнтези как единую целостную систему.

Объектом исследования в данной работе являются произведения, написанные в жанре «славянской» фэнтези, строящейся на основе традиций нашей национальной культуры, пропущенных через творческое сознание писателя. «Славянская» фэнтези в России представлена широким кругом авторов, однако в диссертации внимание концентрируется на наиболее значимых фигурах, работающих в этом жанре. С точки зрения хронологии рамки исследования ограничены произведениями писателей конца XX – начала XXI в., однако желание максимально полно осветить интересующую нас проблему заставило задействовать в работе и литературные сочинения предшествующих периодов. Для анализа взяты следующие произведения: «Колдун» О. А. Григорьевой¹, «Зимний зверь», «Перекрёсток зимы и лета», «Тропы незримых», «Янтарные глаза леса» Е. А. Дворецкой², цикл «Трое» Ю. А. Никитина³, цикл «Волкодав», «Там, где лес не растёт», «Поединок со змеем» М. В. Семёновой⁴, «Время Оно», «Кого за смертью посылать», «Там, где нас нет» М. Г. Успенского⁵. В качестве дополнительного объекта изучения были привлечены «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся через пере-

---

¹ Григорьева О. А. Колдун. СПб.: Азбука; М.: АСТ, 1999.

² Дворецкая Е. А. Зимний зверь. СПб.: Изд-во «Крылов», 2007; Янтарные глаза леса. СПб.: Изд-во «Крылов», 2007; Перекрёсток зимы и лета. СПб.: Изд-во «Крылов», 2008; Тропы незримых. СПб.: Изд-во «Крылов», 2008.

³ Никитин Ю. А. Трое из леса. М.: Эксмо, 2005 (первый роман цикла «Трое»).

⁴ Семёнова М. В. Волкодав. СПб.: Азбука-Терра, 1995 (первый роман цикла «Волкодав»); Поединок со змеем: Мифологический роман. М.: АСТ; СПб.: Азбука, 2004; Там, где лес не растёт. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2007.

⁵ Успенский М. Г. Там, где нас нет. М.: Азбука, Терра – Книжный клуб, 1998; Кого за смертью посылать. СПб.: Азбука, 2000; Время Оно. СПб.: Азбука, 2001.

сказывание в памяти приключения» В. А. Лёвшина, «Старинные диковинки или Удивительные приключения славенских князей» М. И. Попова, «Пересмешник, или славенские сказки» М. Д. Чулкова, «Жар-цвет» А. В. Амфитеатрова, «На берегах Ярыни» А. А. Кондратьева. Вышеупомянутые произведения не обладают всеми признаками «славянской» фэнтези, однако наличие отдельных черт, свидетельствующих об их близости с изучаемым жанром, позволило включить их в рамки данного исследования.

Научная новизна представленной работы обусловлена тем, что «славянская» фэнтези ранее не являлась объектом специальных научных изысканий, более того, даже данный термин на сегодняшний день в науке ещё не является устоявшимся. Соотнося понятия «русская» и «славянская» фэнтези, стоит особо отметить тот факт, что, несмотря на относительную синонимичность этих терминов, определение «славянская» фэнтези оказывается более предпочтительным. Название «русская» содержит в себе некую двусмысленность: не только содержательный компонент, но и указание на принадлежность к той или иной национальной традиции (русская фэнтези, т. е. фэнтези, написанная русским автором). К примеру, издательство АСТ в 2007–2008 гг. выпустило две антологии, получившие название «Русская фэнтези», где печатались исключительно отечественные авторы, работающие с многочисленными разновидностями жанра⁶. Писатели, работающие в жанре «славянской» фэнтези, опираются на традицию, общую для всех славянских народов.

Предметом исследования являются фольклорно-мифологические аспекты семантики «славянской» фэнтези. Интерес к данной проблеме можно объяснить, прежде всего, значительной величиной удельного веса мифологического материала в текстах изучаемой жанровой разновидности, что связано с особым интересом писателей к собственной национальной традиции. По мнению автора данной работы, этот интерес связан с попыткой противопоставить отечественную славянскую культуру реалиям традиционной западной фэнтези, ориентированной по большей части на кельтскую и скандинавскую мифологию⁷. С другой стороны, задачи, которые ставили перед собой писатели, работающие в жанре фэнтези, совершенно не соответствовали потребностям и идеалам ком-

---

⁶ Русская фэнтези. 2007. М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2007; Русская фэнтези. 2008. М.: АСТ, АСТ Москва, ВКТ, 2008.

⁷ В этом ряду есть и исключения. Так, к примеру, роман американского писателя Р. Желязны «Князь света» (оригинальное название *Lord of Light*, 1967), написанный на стыке НФ и фэнтези, полностью строится на базе индийской мифологической традиции и на философии буддизма.

мунистического строя и социалистической мифологии. С точки зрения советского социума фэнтези могла восприниматься как уход в архаику, тогда как научная фантастика, воспевая научно-технические достижения, постулировала прогрессивные пути развития общества. Таким образом, можно говорить о том, что обращение писателей к жанру «славянской» фэнтези следует рассматривать как стремление восстановления авторитета собственных фольклорно-мифологических корней.

Теоретическая значимость диссертационного сочинения заключается в том, что здесь совершена попытка представить классификацию жанра «славянской» фэнтези и проанализировать на основе составленной классификации фольклорно-мифологический пласт этой разновидности жанра.

Степень разработанности проблемы. Жанр «славянской» фэнтези до сих пор остаётся недостаточно изученным и, несмотря на востребованность «славянской» фэнтези среди читателей, для литературоведов она пока является terra incognita.

Методологическая основа диссертации обусловлена целями и задачами исследования: комплексный подход к изучению «славянской» фэнтези включает в себя использование культурно-исторического, сравнительно-исторического методов, метода интертекстуального анализа, (применимого, прежде всего, к изучению творчества М. Г. Успенского), метода мифопоэтического анализа, а также структурного метода, используемого при составлении внутрижанровой классификации фэнтези, представленной в приложении к диссертационному сочинению.

В связи с тем что изучаемый жанр наследует фольклорно-сказочную традицию, в работе были учтены научные разработки по теме фольклорной сказки таких исследователей, как В. Я. Пропп, В. П. Аникин, Б. Н. Липовецкий, Э. В. Померанцева, Е. М. Неёлов, Д. Н. Медриш; по теме литературной сказки – М. К. Азадовского, Л. Ю. Брауде, Е. П. Брандиса, Т. В. Зуевой, Ю. И. Юдина, М. А. Гистер, К. Е. Кореповой.

Обилие мифологического материала, лежащего в основе фэнтези, заставило нас обратиться к проблеме изучения мифа в работах таких видных учёных, как Е. М. Мелетинский, С. Московичи, М. Элиаде, К. Леви-Стросс, А. Ф. Лосев, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, О. М. Фрейденберг, А. М. Пятигорский, М. И. Мещерякова. Привлекались также этнографические выкладки Э. Б. Тайлора, Б. К. Малиновского и др.

Целью диссертационного сочинения является комплексный анализ «славянской» фэнтези с особым акцентированием внимания на фольклорно-мифологических аспектах семантики произведений данного жанра.

Для достижения поставленной цели в работе решается ряд промежуточных задач:

- 1) проанализировать процесс становления жанра «славянской» фэнтези в русской литературе;
- 2) выяснить, создавались ли данные произведения лишь как подражание западной традиции или они имеют собственные отечественные корни;
- 3) разработать классификацию фэнтези, облегчающую выполнение дальнейшей задачи по анализу «славянской» фэнтези как отдельной жанровой разновидности (общая классификация фэнтези является вспомогательным материалом и затрагивает вопросы более широкие, чем те, которые изучаются в диссертационном сочинении, поэтому она вынесена в ПРИЛОЖЕНИЕ 1);
- 4) исследовать творчество писателей, работающих со «славянской» фэнтези, и составить отдельную классификацию для данной разновидности жанра;
- 5) проанализировать содержательный план «славянской» фэнтези, отдельно подвергая разбору *жанрово-обусловленный уровень*, формирующий общие принципы написания фэнтезийного произведения любой жанровой разновидности; *психологический* и *этический* уровни, постулирующие идеалы гуманизма; с помощью *авторской модели* охарактеризовать те цели и задачи, которые автор ставит перед собой при обращении к конкретному изучаемому нами поджанру;
- 6) выявить фольклорно-мифологические аспекты семантики «славянской» фэнтези, апеллируя к поэтике волшебной сказки;
- 7) обнаружить те семантические элементы, которые являются исключительно принадлежностью архаичного мифа, находящиеся в изоляции от сформированных позднее фольклорных жанров;
- 8) представить статистику появления «высших» и «низших» божеств языческого пантеона в «славянской» фэнтези. (Результат отображён в виде таблицы в ПРИЛОЖЕНИИ 2.)

Апробация работы. Основные положения диссертационного сочинения отражены в 10 публикациях. Научные наблюдения автора представлены в форме докладов на международных научных конференциях: «Русская фантастика на перекрестье эпох и культур» (Москва, 2006), «Regional Northern Identity: From Past to Future» (Петрозаводск, 2006), «Новейшая русская литература рубежа XX–XXI веков: итоги и перспективы» (Санкт-Петербург, 2007), «Культ-товары: феномен массовой литературы в современной России» (Санкт-Петербург, 2009), «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера» (Петрозаводск, 2011). Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры русской литературы и журналистики и кафедры скандинавских языков Петрозаводского государственного университета.

На защиту выдвинуты следующие положения:

1. Разработка классификации жанра «славянской» фэнтези позволяет говорить об отдельных разновидностях жанра (см. ниже, стр. 10)
2. «Славянская» фэнтези выделилась в самостоятельный фантастический жанр только к концу XX – началу XXI в. Поэтику «славянской» фэнтези определяют закономерности, характерные для поэтики волшебной сказки, которая и формирует композицию произведений изучаемого жанра.
3. Несмотря на то что мифологическая основа неразрывно связана со сказкой, в «славянской» фэнтези встречаются и те образы, которые являются исключительно принадлежностью мифа и не переходят границ фольклорных жанров. Примером таких образов могут послужить верховные славянские боги, такие как Перун, Велес, Мокось и проч.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов в процессе дальнейшего научного исследования как творчества вышеупомянутых писателей, так и для теоретических изысканий в области жанра фэнтези, а также в изучении новейшей литературы рубежа XX–XXI вв. в высших и средних учебных заведениях.

Структура и объём работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографического списка. Объём работы – 274 стр., количество наименований в библиографическом списке – 417.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во ВВЕДЕНИИ обоснован выбор темы, подчеркнута ее актуальность, определены предмет и объект исследования, охарактеризована научная новизна исследования, поставлена основная цель, выдвинуты задачи, названы методы исследования, обоснована его теоретическая и практическая значимость.

Кроме того, оговариваются причины растущей популярности среди читателей именно той разновидности фэнтези, где сделан акцент на национальную традицию. Как замечает К. М. Королёв, именно двадцатый век стал временем растущего интереса к мифологии⁸. Так, в Исландии Асатру – «вера в асов» с 1972 г. признана официальной религией⁹. По мнению К. М. Королёва, растущая популярность фэнтези стала откликом на эти события, благодаря чему сформировались целые направления: «кельтская» фэнтези, «нордическая», «славянская»¹⁰. Однако ав-

---

⁸ Языческие божества Западной Европы / под ред. К. М. Королёва. М., СПб.: Мидгард, 2005. С. 419.

⁹ *Квастад Н. Б.* Древние суеверия? Паранормальные явления в древнено-режской литературе и Библии в свете современной науки. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. С. 7.

¹⁰ Языческие божества Западной Европы. С. 424.

тор реферируемой работы полагает, что такое высказывание не совсем правомерно, т. к. нельзя отрицать, что и сама фэнтези повлияла на читателей, заставляя многих из них увлечься язычеством и ролевыми играми.

Популярность жанра потребовала соответствующего научного освещения (в частности, осуществлено множество попыток дать ему определение: как особому направлению фантастики¹¹, как разновидности литературной сказки¹², как особой форме трансформации мифа¹³). Среди работ, где фэнтези выступает в качестве одного из анализируемых жанров, диссертант считает необходимым отметить монографию К. Г. Фрумкина «Философия и психология фантастики», исследование Е. Н. Ковтун «Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века)», работу А. Б. Ройфе «Неомифологическая фантазия в фантастике XX века», статьи О. Ю. Биричевской, Э. Грейдо, О. Костылёвой и др.; издаются также и обобщающие исследования справочного характера.

Однако критические работы по теме непосредственно самой «славянской» фэнтези можно свести к небольшому количеству рецензий и отзывов по поводу всего нескольких романов, а отдельные попытки последовательно охарактеризовать жанр носят фрагментарный и экспериментальный характер. Эта тема связана с научными выкладками таких исследователей, как А. Сапковский, Е. Гарцевич, Д. Е. Громов и О. С. Ладыженский.

В ПЕРВОЙ ГЛАВЕ «Из истории изучения «славянской» фэнтези» последовательно освещается процесс становления изучаемого жанра в отечественной литературе. Отдельно обсуждается вопрос о том месте, которое жанр занимает в отечественном литературоведении. В первом параграфе «История возникновения жанра «славянской» фэнтези» говорится о происхождении анализируемого жанра из контаминации фольклорных жанров, мифологии и литературной традиции: рыцарского романа, романтической новеллы, мистической литературы рубежа XIX–

---

¹¹ См. об этом: *Минералова И. Г.* Детская литература: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Владос, 2002. С. 156–157; *Каплан В.* Заглянем за стенку // *Новый мир.* 2001. № 9. С. 158. http://zhurnal.lib.ru/k/kostylewa_o/fantastika.shtml, свободный. Яз. рус. (Дата обращения 30.01.2011)

¹² *Геворкян Э.* Чем вымощена дорога в рай // *Антиутопии XX века.* М., 1989. С. 11; *Мамаева Н. Н.* Это не фэнтези! (в каком же всё-таки жанре писал английский писатель?) // *Уральский следопыт.* 2001. № 9. С. 48; *Тимошенко Т. В.* Научная фантастика как социокультурный феномен: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Рост. гос. ун-т. Ростов-н-Д, 2003.

¹³ *Эйдемиллер И. В., Лебедева А. Ю.* Мир фэнтези // *Звезда.* 1993. № 10–11. С. 205.

XX вв. Диссертант высказывает свои сомнения по поводу возможности определения точной даты зарождения «славянской» фэнтези, однако представляет краткий обзор произведений, которые стали предшественниками анализируемого жанра.

Ещё в XVIII веке М. И. Попов использовал элементы славянской мифологии в «Славянских древностях, или Приключениях славенских князей» (1770–1771). Наряду с М. И. Поповым к фантастике обращались также такие прозаики, как М. Д. Чулков и В. А. Левшин. Однако, несмотря на весомый объём традиционных элементов славянской мифологии в их текстах, ни сборник В. А. Лёвшина «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся через пересказывание в памяти приключения» (1780. Ч. 1–4; 1783. Ч. 5–10; 3-е изд. 1820; 4-е изд. 1829), ни «Пересмешник, или Славенские сказки» «Старинных диковинок» (1789) М. Д. Чулкова, ни вышеупомянутые «Славянские древности» М. И. Попова не могут быть отнесены к жанру «славянской» фэнтези, т. к. они, будучи переосмыслением западноевропейской куртуазной литературы, не являются пока авторскими оригинальными произведениями. Отдельные приметы славянской культуры на фоне реалий греко-римской, индийской традиции не позволяют сформировать замкнутую систему славянского быта и славянского же мифологического мира.

Тем не менее вклад В. А. Левшина, Д. М. Чулкова и М. И. Попова в развитие отечественной фантастики нельзя недооценивать: копируя стиль традиционного рыцарского романа, они украшали текст элементами устной национальной традиции. Творчество этих писателей является неотъемлемой частью истории российской фантастики.

В качестве предвестника «славянской» фэнтези также был выделен роман А. В. Амфитеатрова «Жар-цвет» (1910). Как утверждает сам автор, его увлечение фольклором и историей религии побудило его к написанию книги, в которой центральной идеей будет выступать «легенда о «цветке жизни», сверкающей тайне молниеносного папоротника»¹⁴. Вдохновением для написания романа послужил, в том числе, и труд А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу»¹⁵. Однако говорить о едином полотне произведения сложно, т. к. каждая из двух частей романа представляет собой самостоятельное произведение, связанное с другой только фигурой главного героя – графа Гичовского.

---

¹⁴ Амфитеатров А. В. Предисловие к роману «Жар-цвет». М.: Интелвак, 2000. Т. 1. С. 298.

¹⁵ В работе использовано издание, где авторское название изменено: Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян: в 3 т. М.: Эксмо; СПб.: Телта Fantastica, 2002.

Самое непосредственное отношение к «славянской» фэнтези имеет «демонологический» роман А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни» (1930), в котором создаётся замкнутая фантастическая вселенная, где люди живут в одном времени-пространстве со сверхъестественными существами: перед нами предстаёт мир, который условно можно поделить на три уровня: мир людей: хозяин домового Ипат, любовник ведьмы Аниски Максим, знахарка Праскуха; мир нечистой силы: Водяной – хозяин Ярыни и его русалки, болотные бесы; мир богов: богиня зимы, молодая красавица Весна, свергнутый Перун. Е. М. Неёлов полагает, что для настоящего, полностью сформированного романа фэнтези данному произведению не хватает лишь сквозного сюжета. Действительно, перед нами предстают отдельные сюжетные линии с многочисленными персонажами. Однако общий элемент, который смог бы объединить повествование в единое полотно, в романе отсутствует. Вполне вероятно, что если бы не фрагментарность повествования, возможно было бы отнести А. А. Кондратьева к основателям анализируемого жанра.

Глубокий и максимально полный анализ изучаемого жанра невозможен без рассмотрения внутрижанровых составляющих «славянской» фэнтези¹⁶, чему посвящён второй параграф «Классификация «славянской» фэнтези». Автор диссертационного сочинения разработала собственную классификацию «славянской» фэнтези, составленную на основе общей классификации фэнтези, которая, в свою очередь, опирается на типологию искусства, предложенную М. С. Каганом в книге «Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств»¹⁷.

1. Национальная специфика: «славянская» фэнтези.
2. Сюжетно-тематический принцип: эпическая, романтическая.
3. С точки зрения художественного времени: историческая.
4. Аксиологическое начало: героическая, юмористическая.
5. Мировоззренческое начало: «славянская» фэнтези с элементами научной фантастики, «славянская» «техномагия».

---

¹⁶ По словам М. С. Кагана, жанр – это «избирательность художественного творчества» (Каган М. С. Морфология искусства. Л.: Искусство, 1972 С. 410): художник выбирает нужную ему жанровую структуру из большого количества уже существующих. Именно это множество и осложняет для теоретиков выявление скрывающихся здесь закономерностей (С. 411). По мнению Л. В. Чернец, также нужно учитывать тот факт, что жанр – не только единицы классификации, но и носитель знака литературной традиции (Чернец Л. В. Литературные жанры. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 9). С фэнтези ситуация обстоит особенно не просто, т. к. данный жанр, как мы уже упоминали выше, достаточно молод.

¹⁷ Каган М. С. Указ. соч.

6. Адресат: ориентация на читателя старшего возраста.

7. «Славянская» фэнтези смешанного типа, сочетающая в себе наравне с отечественной традицией иные элементы культуры и мировоззренческие принципы.

Эпическая фэнтези изображает масштабные явления в подробно выписанном фантастическом мире: речь идёт о борьбе героев за спасение всего человечества. Сюжет в произведении этого жанра нелинеен, т. е. события могут происходить параллельно.

О «чистой» эпической «славянской» фэнтези говорить достаточно сложно, можно упомянуть работы, стоящие на стыке нескольких поджанров. В частности, эпических масштабов достигает цикл Ю. А. Никитина «Трое», в котором в круговорот событий втянуты не только все народы Земли, но и боги небесного и подземного мира. В этом же ряду стоит цикл С. Фомичёва «Мещёрские волхвы» (цикл состоит из романов «Серая Орда», «Пророчество Предславы» и «Сон Ястреба»).

Ярким примером романтической «славянской» фэнтези являются романы цикла «Князья леса» Е. А. Дворецкой, в которых ведущей темой становится любовь как божественная, так и земная.

С точки зрения времени действия, представленного в романах, в рамках данного жанра мы можем говорить об исторической «славянской» фэнтези. Е. И. Петухова и И. В. Чёрный видят на сегодняшний день в «исторической фантастике» настоящую «соперницу исторического романа»¹⁸. Авторы исходят из того, что писатель свободно может оперировать историческими событиями, не будучи обвинённым в незнании истории и подтасовке фактов.

Современная «славянская» историческая фэнтези представлена романами О. А. Григорьевой «Ладога» (Азбука, 1996) – о молодости киевского князя Олега, «Колдун» (Азбука, 1997) – о борьбе язычества и христианства незадолго до крещения Руси, циклом С. Фомичёва «Мещёрские волхвы», циклом А. В. Мазина «Варяг», романом А. Д. Прозорова «Ведун».

Аксиологическая плоскость представлена как героической, так и юмористической «славянской» фэнтези. Героическая «славянская» фэнтези – это цикл романов М. В. Семёновой о Волкодаве, её же роман «Бусый волк» (СПб., Азбука-классика, 2007), цикл «Трое» Ю. А. Никитина; юмористическая «славянская» фэнтези – произведения М. Г. Успенского: цикл о Жихаре, «Устав соколиной охоты» и т. д., цикл А. О. Беля-

---

¹⁸ Петухова Е., Чёрный И. Современный русский историко-фантастический роман. М., 2003. С. 3–4. Цит. по: Постная И. А. Преломление исторических событий в современной русской фантастике и фэнтези // Русская фантастика на перекрестье эпох и культур: Материалы Международной научной конференции: 21–23 марта 2006 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 223.

нина: «Тайный сыск царя Гороха», повесть О. Н. Громыко «О бедном Кощее замолвите слово».

Свобода творчества позволяет писателю использовать требующиеся именно ему жанровые формы в нужном ему сочетании. Эта тенденция позволяет говорить о «славянской» фэнтези смешанного типа, к которой можно отнести роман Ю. С. Буркина и С. В. Лукьяненко «Остров Русь» (1993), стоящий на стыке «славянской» фэнтези и научной фантастики. Действие происходит в заповеднике славянской культуры на острове Мадагаскар. Писатели изображают искусственно созданный группой энтузиастов-славянофилов в эпоху высоких технологий мир русской сказки.

Во ВТОРОЙ ГЛАВЕ «Содержательный план «славянской» фэнтези» автор диссертационного сочинения доказывает право фэнтези на существование в ряду других фантастических жанров, анализируя её по уровням содержательного плана.

В первом параграфе «Жанрово-обусловленный уровень»¹⁹ говорится о характерной для этого уровня установке на чудо. Основываясь на постулатах А. Д. Гусаровой и на примерах из романа Е. А. Дворецкой, можно сделать вывод о том, что «критерий сверхъестественности прочитывается на всех уровнях поэтики жанра»²⁰, где в сверхъестественном мире с множеством фантастических посылок действует сверхъестественный герой, представляющий собой одну фантастическую посылку.

«Славянская» фэнтези может быть рассмотрена с точки зрения *этического уровня*, чему и посвящён второй параграф. Об этическом уровне романов «славянской» фэнтези можно говорить, подразумевая единый моральный критерий, применимый к литературным произведениям в целом, вне зависимости от жанра, и, с другой стороны, о специфической этике, характерной именно для анализируемых в работе произведений. С одной стороны, в «славянской» фэнтези провозглашаются традиционные нравственные ценности: вера в Добро, ценность человеческой жизни, неприятие несправедливости, милосердие и т. д. С другой стороны, можно говорить и о специфических особенностях этики данной жанровой разновидности:

---

¹⁹ См. об этом термине: *Неёлов Е. М. О жанровом содержании «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. Вып. 3. Петрозаводск: ПетрГУ, 2001. С. 149–150.*

²⁰ *Гусарова А. Д. Тип повествования фэнтези (сверхъестественность как жанровый критерий) // Русская фантастика на перекрестье эпох и культур: Материалы Международной научной конференции 21–23 марта 2006 года. М.: Московский университет, 2007. С. 196.*

- 1) гуманистические ценности, как ни в одном другом литературном жанре, занимают главенствующую позицию;
- 2) любовная линия героев связана с темой жертвенности, с одной стороны, и безропотного подчинения судьбе, с другой.
- 3) Особое место в анализируемом жанре занимает тема семьи и семейных ценностей. Согласно Е. М. Неёлову, образ мира как большой Семьи «определяет собой всё жанровое содержание русской волшебной сказки»²¹. В свою очередь, «славянская» фэнтези как наследница волшебной сказки ставит перед собой целью восстановление жизни через возрождение Семьи²².

Содержание третьего параграфа «Психологический уровень «славянской» фэнтези напрямую обусловлено этическим уровнем, т. к. моральные нормы, принятые в обществе, пусть даже и созданном в воображении писателя, всегда определяют поведение индивида. Диссертант опровергает утверждение В. А. Губайловского о том, что роман фэнтези потому и читать так легко, что все герои – это схемы, поэтому о становлении характера не может быть и речи»²³. Поведение героев «славянской» фэнтези определяет судьба: не зная своего будущего, они испытывают те же эмоции и переживания, что и люди в реальной жизни. Ограниченное знание человека, проживающего ситуацию изнутри, заставляет его постоянно совершать выбор в пользу Добра или Зла, а характер его как раз и демонстрируется через совершаемый им поступок.

Традиционно в фэнтезийном романе описывается борьба положительного персонажа и группы его единомышленников с силами Зла. Главный герой – честный человек, патриот, сражающийся с антагонистами, предавшими идеалы Добра. Он пытается реализовать свои идеи, ценность которых, по его мнению, для общества неоспорима.

В четвёртом параграфе говорится об *авторской модели «славянской» фэнтези*, которая, по словам А. В. Месяжиновой, «выражает собой личное видение мира творца – писателя»²⁴. Осуществлённый анализ демонстрирует особое бережное отношение писателей к культуре наших предков: они не только пытаются донести до читателя в переработанном ви-

---

²¹ Неёлов Е. М. О жанровом содержании «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина // Евангельский текст в русской литературе... С. 161.

²² Там же. С. 162.

²³ Губайловский В. А. Обоснование счастья. О природе фэнтези и первооткрывателе жанра // Новый мир. № 3. 2002. С. 183.

²⁴ Месяжинова А. В. Игровые модели культуры в художественном пространстве постмодернизма (Итало Кальвино, Милорад Павич, Джулиан Барнс): Автореф. дисс. ... канд. культ. наук. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 3.

де сохранившиеся традиции, описания обрядов и ритуалов, но и «дописывают» утраченные элементы, ориентируясь на собственную фантазию.

В ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ «Фолькорно-мифологические компоненты семантики “славянской” фэнтези» первый параграф «Мифологическая составляющая “славянской” фэнтези» посвящён изучению образов славянских богов, представленных в исследуемых произведениях. Указанные образы были классифицированы с учётом научных выкладок С. Ю. Неклюдова, предлагавшего вести изучение славянского пантеона с точки зрения выполняемых его членами функций:

1. Высшие боги, удалённые от повседневного быта человека. К этой категории можно отнести таких членов пантеона, как *Перун*, *Велес*, *Род*, и плоды творческого переосмысления славянской традиции: *Родана* и *Храмн* М. В. Семёновой и *Вела* Е. А. Дворецкой – женская ипостась Велеса, связанная с ним, прежде всего, общей функцией покровительства водной стихии.

Оказываясь последовательницей традиционных народных представлений, М. В. Семёнова ставит на первое место в пантеоне, описанном в цикле «Волкодав», именно *Перуна*. Однако наравне с чётким следованием традиции писательница выстраивает облик персонажа, соотнося его с категорией гуманизма: перед читателем предстаёт не грозное, немолимое, глухое к людским мольбам божество, но бог, не только слышащий молящегося, но готовый прийти к нему на помощь. В свою очередь, возможны и такие ситуации, когда и сам человек помогает бессмертному богу. Напротив, *Перун* А. А. Кондратьева свергнут и в виде идола покоится на дне реки. Он обижен на людей, обратившихся к новому богу – к Иисусу Христу.

Своё отражение теория «основного мифа»²⁵ Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова находит в романах Е. А. Дворецкой, где *Змей-Велес* принимает на себя традиционную для народных верований функцию охранителя, только он охраняет не вход в «тридцатое царство», которое, по замечанию Б. А. Успенского, символизировало мир мёртвых, но похищенную им богиню весны Лелю, чтобы впоследствии вступить за неё в ритуальную битву с Перуном.

В романе О. А. Григорьевой «Колдун» Велес противостоит не Перуну, а Христу. Строя конфликт по принципу оппозиции «человеческое – божественное», писательница изображает Велеса как человека, которому свойственны вполне человеческие эмоции: он ревниво относится к своему статусу господина и боится его потерять. В противополож-

---

²⁵ См. об этом: *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965. С. 21.

ность ему, Христа герои романа не видят, но свято следуют его учению. Главная цель Велеса, в интерпретации О. А. Григорьевой, – помешать крещению Руси, что функционально сближает его с Сатаной – главным противником Иисуса Христа.

В творчестве Е. А. Дворецкой функция покровительства земным водам, традиционно присущая Велесу, переносится на его женскую ипостась – его супругу, «тёмную Велу, Хозяйку Подземной Воды», «Мать Засух»²⁶. Образ Велы, созданный Е. А. Дворецкой, носит явный полисемантический характер: Вела не только берёт на себя все функции низшего божества вилы, хозяйки источника, но и становится хозяйкой всех подземных вод, сближаясь, таким образом, с фигурой Мокоши; связь же с миром мёртвых ставит её на одну ступень с богиней смерти Мораной. Писательница создает супружескую пару Велес – Вела, нехарактерную для славянской мифологии, однако Вела не является в полной мере авторским изобретением. Е. А. Дворецкая использует уже имеющийся фольклорный материал и лишь перерабатывает его.

Авторы романов «славянской» фэнтези следуют за теорией Б. А. Рыбакова, видящей в боге *Рода* создателя вселенной и одновременно определяющий бытие всеобщий закон. При этом Ю. А. Никитин персонифицирует Род, представляя его в виде гигантского сокола.

Родана и *Храмн* в изображении М. В. Семёновой представляют собой архетип родителей. Можно сделать предположение о функциональном равенстве Роданы, «подательницы потомства», с богом Родом, однако в цикле о Волкодаве они встречаются недостаточно часто, лишая нас возможности делать более конкретные выводы.

2. Поэтично исследуя классификацию славянских богов, предложенную С. Ю. Неклюдовым, допустимо говорить ещё об одной группе божеств «высшей» мифологии – группе с ограниченной сферой деятельности, куда можно отнести *Ярилу* и *Мокошь*, связанных напрямую с функцией плодородия.

Анализ образа *Ярилы* в «славянской» фэнтези показывает, что писатели стремятся не только наиболее полно донести до нас информацию об этой фигуре, но и описывают посвящённые ей праздники, точно следуя данным фольклористов. Характерным примером являются так называемые «ярильные ночи», описанные у М. В. Семёновой. Они полностью копируют ритуальные празднества славян.

Следуя славянским верованиям, М. В. Семёнова и Е. А. Дворецкая изображают *Ярилу* проходящим все стадии взросления человека: от

---

²⁶ Дворецкая Е. А. Зимний зверь. С. 342; 396.

прекрасного юноши до глубокого старца, чьё тело хоронят в земле, чтобы весной он смог снова возродиться и вернуться к людям.

Мокошь (Макошь) – главное женское божество, чей образ В. Н. Топоров и Вяч. Вс. Иванов связывают с одним из мотивов «основного» мифа – вызыванием дождя²⁷.

С водой напрямую связано и творческое переосмысление образа Макоши в романах Е. А. Дворецкой: «Макошь несла большую чашу с широким горлом, вдоль которого мягко светились по кругу знаки двенадцати месяцев. Ярче всего сеял знак месяца грудена (ноября) – волнистые полосы туманов и резкая черта, разделившая землю и небо. Груден – месяц торжества Матери Всего Сущего: урожай собран, лён готов к прядению, наступает время женских работ, посиделок, свадеб»²⁸.

3. Персонажи, по классификации С. Ю. Неклюдова, «абстрактной функции»²⁹, появляющиеся в произведениях «славянской» фэнтези: *Марена (Морана)* – богиня смерти, богиня любви *Лада* с дочерью *Лелей*, *Хозяйка Судеб* и *Прекраснейшая* – богиня смерти, любви и красоты – плод фантазии М. В. Семёновой.

Морана / Марана – божество, чьё присутствие в славянском пантеоне носит спорный характер. В романах М. В. Семёновой о Волкодаве *Смерть-Морана* предстаёт перед читателем как в образе конкретной богини, так и в частично персонифицированном образе Незваной Госты, слепой судьбы. Концепции А. Н. Афанасьева об объединении образов Мораны-зимы и Мораны-смерти придерживается Е. А. Дворецкая. Старуха-Марена несёт зимний холод: с одной стороны, она жаждет смерти всему живому, с другой стороны, благодаря ей боги получают возможность отдохнуть до весны.

Ещё одна ипостась богини смерти в интерпретации М. В. Семёновой – *Морана-Прекраснейшая* аррантского племени схожа с персонажем русских сказок – Марьей Моревной, прекрасной королевой. Продолжая «любовную» линию в изображении смерти, Е. А. Дворецкая описывает обряд погребения, где Марена становится невестой умершему холостому человеку.

Проецирование образа богини смерти в абсолютно разные семантические плоскости кажется противоречивым только на первый взгляд.

---

²⁷ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983. С. 189.

²⁸ Дворецкая Е. А. Зимний зверь. С. 253–255.

²⁹ Неклюдов С. Ю. На земле, в небесах... URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov50.htm>

В данной ситуации мы снова имеем дело с «неразделённым» древним сознанием, когда различные ипостаси одного и того же божества по сути представляют собой одну фигуру.

Согласно авторскому замыслу Е. А. Дворецкой, «исходящей из неразделённости древнего сознания»³⁰, Марена, Лада, Леля также представляют собой разные ипостаси божества единой Богини. Леля, отвечающая за первые весенние всходы, занимает одно из ведущих мест среди персонажей, созданных Е. А. Дворецкой. Согласно мифам, Лелю, т. е. весеннее солнце, освобождает от зимних демонов Перун³¹, у Е. А. Дворецкой абстрактные демоны туч и стужи объединены в конкретный образ бога Велеса, тем самым писательница возвращается к «основному мифу», в котором верховные боги Верха и Низа борются за любовь женского божества. Леля предстаёт перед нами как некая частично персонифицированная энергия весны, принимающая человеческое обличье только для того, чтобы встретиться с возлюбленным, умирая, таким образом, для мира богов. Для восстановления равновесия в мир должна прийти новая весна. В качестве места обитания божественная сила выбирает себе девушку по имени Весёлка, которая постепенно перерождается для Надвечного мира, замещающая собой предшественницу. Замена Белосветы Весёлкой – высшее проявление жертвенности: человек отдаёт свою душу богу и спасает мир.

В романах М. В. Семёновой о Волкодаве часто упоминается *Хозяйка Судеб*, функционально сходная со скандинавскими норнами и греческими мойраами, со славянской Макошью. Богиня прядёт нити человеческой судьбы. Её же деятельность, в свою очередь, подчиняется единому для всех Богов закону.

4. В отдельную группу были выделены персонажи «низшей» мифологии, такие как локальные духи-хозяева, духи-оборотни вместе с божествами сезонных обрядов³². «Славянская» фэнтези также изобилует персонажами, заимствованными из «низшей» мифологии: *оборотень* у Е. А. Дворецкой и М. В. Семёновой, *вилы* у М. В. Семёновой, *Полудянка* у Е. А. Дворецкой и т. д.

На фигуре *оборотня* акцентируют своё внимание такие писатели, как Е. А. Дворецкая, О. А. Григорьева и М. В. Семёнова. В «Тропах незримых» Е. А. Дворецкой оборотничество – обязательный этап инициации древних славян. Каждое племя, описанное в произведении, отправ-

---

³⁰ Дворецкая Е. А. Тропы незримых. С. 432.

³¹ Афанасьев А. Н. Мифы, поверья... Т. 1. С. 272.

³² Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 354.

ляет из рода мальчиков в «бойническое братство», чтобы они «стали варгами», т. е. носителями особой силы, получаемой при инициации.

Герой М. В. Семёновой Волкодав превращается в тотем своего племени – собаку в тот момент, когда в помощи нуждаются близкие героя. Волкодав благополучно проходит инициацию: погибая смертью храбрых, получает от Первопредка возможность вернуться в мир живых и начать жизнь заново вместе со своей возлюбленной.

О. А. Григорьева в романе «Колдун» говорит о двух типах оборотничества:

1. Волколаки – рождённые человеком, но обладающие умением превращаться в зверя вследствие чужого заклятия или собственных магических усилий. Таким для смены облика требуются заговорённые ножи, пояса из мочалы, кафтаны с чарами. Они всю жизнь проводят в мире людей и не стремятся «уйти за кромку», т. е. уйти в мир по ту сторону реальности.
2. Обратни от рождения, сочетающие в себе человеческое и звериное начало, члены стаи, легко путешествующие из кромешного мира в мир людей.

Женское божество воздуха и покровительницу водных источников *вилу* М. В. Семёнова трансформирует в целое племя с представителями обоего пола, регулируемое патриархальной системой; они лишены возможности летать, поэтому пользуются «симуранами <...> похожими на громадных псов, но наделёнными крыльями для полёта»³³. В основе мифологемы крылатого пса лежат традиционные народные представления о семантической связи собаки и ветра.

Также в «славянской» фэнтези встречается такие фигуры «низшей» мифологии, как *водяной*, *русалка* (М. Г. Успенский «Кого за смертью посылать», А. А. Кондратьев «На берегах Ярыни»). Как видно из анализируемого литературного материала, авторы фэнтези идут по традиционному пути мифологии, лишь слегка трансформируя используемые образы. Так, М. В. Семёнова в цикле о Волкодаве превращает русалку в покровительницу племени, защищающую любовь и благословляющую сердца. Однако такая трактовка расходится с традиционными народными представлениями, на которые опирается Д. К. Зеленин: там русалки ненавидят женщин и прельщают мужчин.

Однако для создания наиболее полной картины славянского мира необходимо и привлечение традиционных фольклорно-сказочных образов и мотивов в литературный текст, о чём речь пойдёт во втором параграфе третьей главы «Фольклорно-сказочные элементы "славянской" фэнтези».

---

³³ Семёнова М. В. Знамение пути. СПб.: Азбука-классика, 2003. С. 309.

зи». Содержание параграфа концентрируется не вокруг тех элементов волшебной сказки, которые широко представлены на страницах произведений анализируемого жанра (например, Кошей Бессмертный является ведущим персонажем в повести О. Н. Громыко «О бедном Кошее замолвите слово», он также фигурирует и в романе Ю. С. Буркина и С. В. Лукьяненко «Остров Русь»)³⁴, но на тех элементах, чьё появление в «славянской» фэнтези носит единичный характер.

В частности, диссертантом рассмотрен колобок, появляющийся в романе М. Г. Успенского «Кого за смертью посылать?» и персонаж традиционной сказки о животных петух из романа вышеупомянутого автора «Там, где нас нет». Благодаря привлечению к изображению колобка и петуха иных культурно-мифологических традиций можно сделать вывод о том, что автор не просто механически воспроизводит в своём романе схему фольклорного персонажа, но изображает самостоятельный оригинальный характер, являющийся настоящим украшением повествования³⁵.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ подведены итоги, представлены выводы, подтверждающие основную гипотезу, намечены дальнейшие перспективы работы.

Современное литературоведение считает основателем жанра М. Г. Успенского (в частности, повесть «Устав соколиной охоты»). Однако автор диссертационного сочинения готова лишь частично признать это утверждение, т. к. романы вышеупомянутого писателя – это в первую очередь юмористическая фэнтези, где славянский антураж второстепенен.

Изучение мифологической основы «славянской» фэнтези затруднено в силу самой исторической ситуации: к приходу христианства на Русь языческие представления ещё не были систематизированы, поэтому представители новой религии их не только не фиксировали, но и всячески стремились стереть из народной памяти.

Богатейший фольклорно-мифологический материал, представленный в анализируемых романах, позволяет нам настаивать на том, что «сла-

---

³⁴ Особо отметим, что волшебнo-сказочные основы композиции, сюжетной и образной основы фэнтези уже разработаны (в том числе и в родственных жанрах (см., например, *Липовецкий М. Н.* Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов). Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1992; *Неёлов Е. М.* Волшебнo-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986; *Чернышева Т. А.* Природа фантастики (гносеологический и эстетический аспекты фантастической образности): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 1979.

³⁵ Собственно, подобную метаморфозу претерпевает любой волшебнo-сказочный образ, входя в состав литературного произведения, принадлежащего к жанру фэнтези (и родственным ему жанрам).

вянская» фэнтези создаётся не как подражание западной традиции, но как совершенно оригинальное направление современной русской литературы, призванное обратить внимание читателя на отечественную народную традицию.

Причину растущей популярности «славянской» фэнтези можно объяснить геополитическими изменениями. По словам М. П. Абашевой и О. П. Креницыной, «утративший в 1990-е гг. самосознание гражданин великой державы, россиянин восстанавливает её через идеализацию нации»³⁶.

Усложняет проблемы выявления жанровых характеристик «славянской» фэнтези характерная для современной постмодернистской литературы тенденция к интертекстуальности, когда тексты анализируемой жанровой разновидности содержат многочисленные аллюзии, отсылающие читателя к текстам как русской, так и иностранной литературы, так и к различным историческим событиям и социальным явлениям. (Ярким примером может послужить встреча героев М. Г. Успенского из романа «Кого за смертью посылать» с американскими астронавтами на Луне.)

Внутреннее деление «славянской» фэнтези носит достаточно условный характер, т. к. многие произведения стоят на стыке жанров. Из «чистых» направлений можно отметить только романтическую «славянскую» фэнтези, в рамках которой написаны такие циклы Е. А. Дворецкой, как «Весна неизвестная» и «Утренний всадник», и героическую, представленную циклом М. В. Семёновой о Волкодаве.

Одним из самых спорных произведений в рамках «славянской» фэнтези с точки зрения определения внутрижанровых плоскостей является роман О. А. Григорьевой «Колдун», в котором сочетаются признаки исторической, «славянской» и христианской фэнтези одновременно, когда на фоне конкретных исторических событий средневековой Руси рисуется языческое богоборчество, сталкивающееся, в свою очередь, с христианским смирением и принятием божества в качестве единственно возможного нравственного императива.

Движимые желанием возродить интерес читателя к отечественной традиции, авторы вводят в текст романов анализируемого нами жанра подробные описания реально бытовавших обычаев наших предков, а также фигуры верховных богов (ранее являвшихся принадлежностью архаичной мифологической традиции), делают их живыми персонажами и активными участниками повествования.

---

³⁶ Абашева М. П., Креницына О. П. Проблематика национальной идентичности в славянских фэнтези // Вестник Томского государственного университета. Секция: Филология. март 2010. № 332. С. 7.

Причину же обращения современных отечественных писателей к славянской традиции и, соответственно, возросший интерес к ней среди поклонников жанра фэнтези можно объяснить словами одного из героев романа Ю. С. Буркина и С. В. Лукьяненко «Остров Русь»: «А почему всё именно так? <...> почему именно Баба-Яга, именно скатерть-самобранка? <...> – Видимо, вся эта перечисленная чертовщина – глубоко в подсознании каждого русского человека сидит»³⁷. Именно это и убеждает нас в востребованности жанра и в его долгой жизни в русской литературе.

В ПРИЛОЖЕНИИ 1 представлена общая классификация фэнтези, составленная на основе классификации искусства, предложенной М. С. Каганом в книге «Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств».

Результат анализа мифологических фигур, встречающихся в изучаемых в диссертационном сочинении произведениях, представлен в таблице в ПРИЛОЖЕНИИ 2.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

*В изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, утвержденных ВАК
Министерства образования и науки РФ*

1. «Демонологический» роман А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни» как предвестник жанра «славянской» фэнтези // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. № 2(26) серия: филология. 2009. С. 89–96.
2. Литературная интерпретация образа бога Велеса в «славянской» фэнтези (на материале романов Е. А. Дворецкой) // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. № 7 (120). Т. 1. Ноябрь, 2011. Серия: Общественные и гуманитарные науки. С. 83–85.
3. Становление жанра «славянской» фэнтези в русской литературе XVIII в. (на материале произведений В. А. Лёвшина, М. И. Попова и М. Д. Чулкова) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета [Электронный ресурс] / гл. ред. Трубилин А. И. № 73 (09), ноябрь

---

³⁷ Буркин Ю. С., Лукьяненко С. В. Остров Русь. М.: Изд-во АСТ: Люкс, 2004. С. 179.

2011. URL: <http://ej.kubagro.ru/2011/09/pdf/21.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения 04.12.2011).

Публикации в других изданиях

4. Мужские и женские образы славянской мифологии в романах Марии Семёновой о Волкодаве // Русская фантастика на перекрестье эпох и культур: Материалы Международной научной конференции: 21–23 марта 2006 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 217–223.
5. The connection between Scandinavia and Russia in the artistic world of the modern writer (M. Semyonovas' «Nine Worlds») // Challenges of Globalisation and Regionalisation: Proceedings I from the conference Regional Northern Identity: From Past to Future at Petrozavodsk State University, Petrozavodsk 2006. Luleå: Luleå University of Technology, 2007. S. 125–132.
6. Эволюция сказочного героя в романе Ю. Никитина «Трое из леса» // Новейшая русская литература рубежа XX–XXI веков: итоги и перспективы: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции (Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, филологический факультет, кафедра новейшей русской литературы 23–24 октября 2006 г.). СПб., 2007. С. 196–201.
7. Новые образы богов как способ проявления авторской индивидуальности в славянской фэнтези // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. № 2 (93). Август, 2008. Серия: Общественные и гуманитарные науки. С. 71–74.
8. Интерпретация легенд о короле Артуре в славянской фэнтези (На материале романов М. Успенского о Жихаре) // Профили: Зарубежная филология в гуманитарном дискурсе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 225–236.
9. Фольклорная волшебная сказка и славянская фэнтези: проблема заимствования // Культ-товары: Феномен массовой литературы в современной России: Сб. науч. ст. СПб.: СПбГУТД, 2009. С. 278–284.
10. Опозиция «своего» мира «славянской» фэнтези и «чужого» мира традиционной западной фэнтези в сознании отечественного читателя // «Своё» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: материалы 8-й межвузовской научной конференции / Отв. ред. В. М. Пивоев; ПетрГУ; КфСЗАГС. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. С. 78–79.

Подписано в печать 15.02.2012. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печ. л. 1. Тираж 100 экз. Изд. № 35.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Республика Карелия, 185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.